

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Стеариновая свеча пустила одинокую слезу, пастор сложил руки для молитвы. Молился он тихо, что-то прося для себя. Его губы шевелились быстро, слова молитвы звучали в такт с биением его сердца. Пастор разомкнул соединенные пальцы и открыл глаза.

Он увидел своё мерцающее отражение в продолговатом окне на самом верху стены. На улице было темно, и пастор услышал за окном лёгкий мелодичный шелест мягко падающего снега.

На отблеск пламени свечи на стекле опустилась тяжелая снежинка. От тепла из дома она растаяла, и алое пятнышко пламени исчезло. Свет растекался по комнате словно круги на тихой воде, придавая краски полу, кресту и Библии. Когда сияние окружило коленопреклонённую фигуру священника, тот знал, что это был не свет, а глас Божий.

Выпавший снег очистил землю, и рождественская ночь стала светлой. Пастор подумал о целомудрии, много лет назад вернувшемся на землю на Рождество. Целомудрии, которое проложило новую тропинку в жалких земных душах. Всё обрело смысл. Железная решетка на окнах. Железные нары с тоненьким матрасом, стоявшие у кирпичной стены. Неровная, с буграми, поверхность

потолка подвала, иногда казавшаяся пастору облаками, и тяжелая дверь с окошком, к которому пастору приходилось приникать, чтобы выглянуть наружу.

Все наполнилось значением, и всё говорило с ним ясным, чистым голосом. Пастор закрыл глаза, сложил руки и снова стал молиться. На этот раз медленно и уверенным голосом.

Щелкнул замок, и в камеру вошёл охранник, худой тип со впалыми щеками. Его звали Рикард, и, несмотря на их с пастором разницу в положении и сословии, они хорошо ладили. Иногда Рикард, приковав к нарам руку пастора, садился рядом с ним, и они разговаривали. Раньше, до того, как всё стало плохо, охранник был спортсменом. Он часто обращался к одному эпизоду из своей жизни. Терял кольцо, которое носил на цепочке на шее и спрашивал пастора, существует ли прощение за такое. В эти моменты губы пастора растягивались в улыбке и взгляд смягчался.

— Конечно же, прощение есть, — отвечал он, подняв подбородок. — Для того, кто верует, есть прощение за все.

Но интересовали пастора не разговоры охранника, а его молчание. Рикард мог часами слушать рассказы священника. О стаях саранчи, которые Бог наслал на египетский народ. О всемирном потопе, который очистил землю от несправедливой жизни и безбожия. О пришедших в Америку испанцах и болезни, которую они принесли с собой. Об оспе, за несколько лет уничтожившей могущественную империю ацтеков и опустошившей практически весь континент, освобождая путь христианству.

— Ничто не укрепляет веру сильнее, чем страдания и кровь. Поэтому меня и держат здесь, — говорил пастор.

— Библия, стеариновая свечка, две спички, блюдце, стакан, кофейная чашка, нож для масла... — Охранник поднял голову. — А крест?

— Крест? — переспросил пастор. — Для сегодняшней молитвы мне крест не выдавали.

Рикард посмотрел на листок бумаги, который держал в руке. Затем снова перевёл взгляд на лежавшие на полу предметы и нахмурил брови.

— Я надеялся, мы с этим покончили.

Проверив кровать, под матрасом и в одеяле, посветив фонарем на подоконники, за батареей и туалетным бачком, он повернулся к пастору.

— Извини. Ты знаешь, что нужно делать.

— Мне правда сегодня не давали крест.

Охранник наклонил голову вбок и стал ждать.

Пастор медленно стянул с себя широкую рубашку. Демонстративно потряс ею и отбросил на пол. Затем скинул брюки. Глаза пастора и охранника встретились, и тот грустно вздохнул и перевёл взгляд на пах пастора. Пальцы священника скользнули под резинку трусов. Раздевшись догола, он приподнял вялый пенис, а затем и яички.

— Повернись спиной и сядь на корточки.

— Я человек Бога. Неужели ты думаешь, что я засунул себе в задний проход символ веры в божественную силу?

Нетерпеливо дыша, Рикард быстрым движением повернул указательный палец вокруг своей оси. Поднявшись из своего унижительного положения, пастор повернулся и потянулся к потолку, достав до него кончиками пальцев. Выпрямив сжатые пальцы ног, он почувствовал, что предмет, который он в них сжимал, выпал. Священник отступил на несколько сантиметров назад.

— Видишь? Нет никакого креста.

— А это что? — охранник наклонился вперёд и прищурился, смотря на деревянные щепки у ног пастора.

Пастор знал: если ищешь Бога, ты найдешь его везде. В ветре, колышущем верхушки деревьев. В червях, пожирающих труп птицы. Бог в генетическом материале продвинутых вирусов и в том, что Господь позволил человеку управлять вирусом. Бог — это время. Тающие

ледники. Камни, перемалывающиеся в песок и трескающийся и превращающийся в пыль бетон. Так случилось с бетоном на потолке в подвале пастора. Он расковырял там трещину, пока щель не стала достаточного размера, чтобы вместить длинный конец заточенного креста. Весь крест пастору спрятать не удалось, но это было не очень важно. Кто будет рассматривать потолок, который уже столько раз видел раньше? Уж точно не Рикард.

Пастор вытащил крест из трещины. Рикард едва успел поднять голову и прикрыться рукой. Резанув заточкой вытянутую руку охранника, голый священник схватил его за воротник и дернул к себе. Качнувшись и вскрикнув от боли, охранник упал. Пастор выбил из него воздух, прыгнув на спину коленями, и, взяв за волосы, оттянул голову наверх и с силой ударил костлявым лицом об пол. Раздался звук лопнувшей кожи и хруст хрящей. Лужа крови окружила голову на бетоне, а тело под пастором сотрясали судороги.

Пастор нашёл нужную точку между верхними шейными позвонками и вонзил туда окровавленный заточенный конец креста. Он хотел навалиться всем телом, но помедлил. Поднял голову в поисках отражения этой варварской картины в окне. Стекло было сплошь покрыто белоснежными хлопьями. Нетронутый холст. Новая жизнь. Еще один шанс.

— Спасибо тебе, Господи, — пробормотал он.

ГЛАВА 2

Восемь недель спустя

Когда Господь хотел поведать человеку о грусти, то насылал на Осло бесснежный февраль.

Камешек, прилипший к подошве ботинка инспектора полиции Фредрика Бейера, когда он вошел в средневековый зал замка Акерсхус, громко постукивал по половым доскам.

Длинный стол был накрыт на семьдесят два гостя. Многие уже заняли свои места под историческими портретами фельдмаршалов и монархов. Тезка инспектора, Фредрик IV, высокомерно смотрел с полотна, сидя на спине вставшей на дыбы лошади. Впереди виднелись тёмные волнистые волосы Кафы Икбаль, и Фредрик заключил, что форменная фуражка шла ей больше, чем ему. Фредрик не помнил, когда в последний раз надевал полицейский парадный костюм или ботинки с тупым носом, но предполагал, что это было на похоронах.

Он узнал государственного советника и нескольких других шишек из Министерства юстиции, высших чинов из управления полиции, начальника управления Тронда Антона Неме и лощеного главу отдела по борьбе с преступностью Себастиана Косса. Кафа выдвинула стул, и Фредрик понял, что будет сидеть рядом с ней.

— Вот умора, Бейер. Ты что, хочешь стать приближенным к партии?

Голос принадлежал мощному типу, сидевшему напротив, с круглым землистого цвета лицом и торчащим изпод фуражки ежиком волос.

— Франке, — отозвался Фредрик, кратко кивнув. — Я думал, ты сегодня на мытье посуды.

Франке Нуре мрачно засмеялся и чересчур сильно толкнул локтём свою соседку по столу, щуплого воробья из министерства.

— Тридцать лет в униформе, — сказал он, многозначительно кивнув на медаль на груди. — Знаете, дамочка, когда я начинал работать в полиции, мы думали, что компьютерный вирус — это заболевание, передающееся половым путем. А дискета — это симптом. — Он расхохотался и потянулся за бокалом. — Я видел, как мальчишки на побегушках становились мафиози. А финансовые магнаты с золотыми часами и кокаиновыми усами заканчивали

жизнь страдающими СПИДом героинщиками. — Когда он поднёс бокал к губам, его рука едва заметно задрожала.

— У вас наверняка была долгая интересная карьера, — сказала женщина. — Наверное, скоро собираетесь на пенсию?

— Да, страшно на это надеюсь, — ответил Франке и положил руку на спинку ее стула.

— Эта женщина постареет на пару лет еще до того, как закончится вечер, — шепнула Кафа. Фредрик усмехнулся и серебряной вилкой выковырнул камешек из подошвы.

Почти четыре года прошло с тех пор, как они познакомились. Кафа была одним из специалистов Службы безопасности полиции в области религиозного фундаментализма и участвовала в расследовании бойни в христианской секте. Позже она перешла в отдел по борьбе с преступностью, в котором работал Фредрик, и с тех пор там и осталась. Именно поэтому они оба сидели сегодня здесь, в Римском зале крепости. Около года назад Фредрик с Кафой предотвратили террористический акт — нападение на премьер-министра Норвегии, Симона Риббе, и сегодня Риббе и правительство пригласили их на благодарственный ужин. Явка была обязательна. А поскольку в этом году предстояли выборы, Риббе позаботился о том, чтобы на мероприятие были приглашены лучшие из лучших — бизнесмены, политики и журналисты.

Когда в зал вошел Риббе, разговоры за столом перешли на шепот. Премьер-министр воспользовался дверью в нижней части зала и неторопливо обходил всех собравшихся. Тем, кого он не удостоил рукопожатием, досталось подмигивание или всего лишь кивок головы, в зависимости от того, кем их считал премьер — сочувствующими или проблемными. На середине пути Риббе остановился. Вставший для рукопожатия человек был известен всем — лидер рабочей партии Трюм Дал. Фредрику пришлось в го-

лову, как похожи эти двое — премьер-министр и лидер оппозиции. Обоим под шестьдесят, слегка седеющие и с худыми лицами — таких представляешь себе, когда думаешь о марафонцах, умерших от инфаркта на четвертой миле. На политиках были темные узкие костюмы. У Рибе бросающийся в глаза галстук синего цвета, у Дала — как будто окунулся в кровь рабочих.

— Старший офицер, — кивнул Рибе Фредрику и протянул руку Кафе. — И Икбаль, если память мне не изменяет? Как там ваша дочь?

Кафа с удивлением покачала головой.

— Имя верное, но дочери у меня нет, — быстро ответила она.

Премьер закатил глаза.

— Прошу меня извинить. Столько лиц. В любом случае, спасибо вам за ваш вклад в дело защиты родины. Именно вам посвящен сегодняшний праздник. — Он щелкнул каблуками, подошел и встал за стулом с высокой спинкой во главе стола и дождался, пока шум в зале стихнет.

После главного блюда Фредрик воспользовался возможностью выйти. Яркий свет факелов отбрасывал танцующие тени на стены крепости, запах парафина бил в нос. Каменные стены усиливали звук шагов. Пройдя по мосту через ров за стеной крепости Фредрик остановился, откинул голову назад и стал слушать заунывную песню веревки, бьющей по флагштоку. На темном небе был жирно обведен молодой месяц. Острые снежинки кусали щеки и ложились на стекла очков. Неужели на этот город наконец снизошел снег?

За спиной Фредрика раздался стук тяжелых каблуков по деревянному мосту.

— Фредрик Бейер?

Он опустил голову и обернулся. Ему протянула руку женщина с красивым узким лицом. Светлые волосы ниспадали на плечи, и он точно знал, что видел ее раньше.

— Да?

— Я заметила, что вы сидели среди почетных гостей и надеялась с вами познакомиться. — Ее рука была костлявой, как у старушки, хотя ей явно было едва за тридцать. — Бенедикте Штольд, — представилась она, с усилием выдвинув вперед нижнюю челюсть.

Фредрик понял, где ее видел. Бенедикте Штольд — репортер с ТВ2. Он помнил ее по документалке о договорной коррупции. Фильм получился просто огонь.

— Я знаю, кто вы, — сказал он. — Мне нельзя говорить с журналистами.

— Говорят, вы — честный коп?

Фредрик был высокий, почти метр девяносто, но ему не пришлось склонять голову, чтобы встретиться с ней взглядами.

— Вы поэтому здесь? Ищете порядочных людей? — Он сухо засмеялся. — Вы знаете, что зал набит политиками?

Она не засмеялась.

— Вы же сын Кена Бейера, верно?

Фредрик склонил голову набок. Что это сейчас было? Его отец умер больше двадцати лет назад. Бюрократ, проведший все свое время за письменным столом.

— Если я не ошибаюсь, ваш отец работал на американцев? В посольстве?

— Работал.

— Понимаете, я составляю обзор. Речь идет о совместном норвежско-американском военном проекте во время холодной войны. В этой связи всплыло имя вашего отца. Я пытаюсь выяснить, в чем заключалась его работа.

Фредрик вежливо улыбнулся и жестом показал, что собирается вернуться на праздник. Между каменными

стенами в подворотне Фредрика и Бенедикте сопровождал прохладный ветер.

— Простите. Я не очень знаю, чем именно занимался мой отец, но поверьте мне, интересным человеком он не был. Думаю, вы ищете не того Кена Бейера.

— Возможно, — сказала журналистка. — Может, название Равнли вам о чем-нибудь говорит?

— Нет.

У лестницы в замок стояли трое мужчин, одетых в костюмы. Видимо, они услышали шаги Фредрика с журналисткой, потому что один из них, толстый мужчина средних лет с выпученными глазами и красными щеками, посмотрел в их сторону. Затем сжал руку в кулак и направил толстый средний палец вверх.

— Твою мать! — воскликнул Фредрик. — Этот мудака что, только что показал мне фак?

— Думаю, этот жест предназначался мне, — сдержанно произнесла Бенедикте. — У нас с ним сегодня вышла небольшая стычка.

— Стычка?

Она пожала плечами.

— Да просто разговор. Вы знаете, кто он?

— Нет.

— Хенри Фальк, замдиректора консалтинговой компании «Форманд-Бернье». Он работает над проектом для государства, но никто не признается, что это за проект. Все под грифом секретности. Говорят, назревает скандал.

— А вы что, пришли... разнюхать? Я думал, вы со мной хотели поговорить.

— Не хотела заставить вас ревновать. Но такие мероприятия, где столько важных шишек в одном месте — богатые пастбища для нас, тех, кто хочет разузнать, что творится за закрытыми дверями. Но, как вы понимаете, разговаривать со мной он не станет.

— За закрытыми дверями, — фыркнул Фредрик. — Удачи вам. Что касается моего отца, думаю, вам стоит перепроверить свои источники. Мне пора назад. Сейчас будут разыгрывать торт.

Когда он уже собрался уходить, журналистка достала из кармана визитку, нацарапала на обратной стороне номер и попросила Фредрика позвонить, если он передумает.

— Никто не будет знать, что мы с вами говорили.

— Это меня не пугает. Я не собираюсь звонить вам.

Было уже поздно, когда дверь в бар открылась, и Фредрик, впустив в помещение клубы табачного дыма, пошатнувшись, нащупал перила. Откуда-то сверху доносился мягкий звук саксофона Лестера Янга, разбавленный смехом и разговорами, и аромат стеарина.

Вообще-то, после праздничного ужина он собирался домой. Но в укрывших город хлопьях снега было что-то обнадеживающее, словно они скрыли его грехи. Поэтому, когда Фредрик сел на заднее сиденье такси, мысль о том, чтобы открыть дверь, войти в темную квартиру, тоскливо онанировать, а затем вновь пройти через старый кошмар, показалась ему невыносимой. Фредрик стукнул рукой по подголовнику и попросил водителя отвезти его в Грэнланд. В место, где, он знал, всегда найдется лекарство от его болезни. На дне стакана и в чьих-нибудь объятьях.

На календаре среда, но в джаз-баре «Paris H» были выходные. Фредрик присмотрел место за барной стойкой, между посетителями в дизайнерских очках и с бородами после барбершопа. Станным образом соседи за стойкой рассосались, и бармен, подмигнув, ухмыльнулся.

— Вы из службы проверки лицензии на алкоголь?

— О чем вы?

Пьер сделал шаг в сторону, чтобы Фредрик увидел свое отражение в зеркале.

— Ох, блин, — простонал он. Фуражка на голове перекосилась, а на плечах мундира сверкали золотые погоны. Полицейская медаль с веткой лавра, которую несколько часов назад прикрепил ему на грудь премьер-министр, болталась над бокалами.

— Бал-маскарад, — пробормотал он. — Можно работе что-нибудь выпить?

— Скотч?

— Для виски поздновато, Пьер. Дайте мне что-нибудь. Лучше кислое и бесцветное.

Фредрик поерзал на стуле и положил локти на стойку. В вазах, балансировавших на пьедесталах в стиле барокко, стояли ветки с листочками, что придавало местечку налет тридцатых. Джазовые плакаты на стенах были из пятидесятых, а сам Фредрик — из шестидесятых. Здесь они и он были единственными музейными экспонатами, насколько он мог судить. Черт побери, какие все стали молодые.

— Пьер?

Фредрик уловил аромат духов. Сладковатая ваниль с корицей. Он слегка вздрогнул, ведь когда-то знал одну женщину, от которой так пахло, но голос принадлежал другой. Этот был ржавый. Грубый.

— Он понятия не имеет, как меня зовут, — услышал Фредрик ответ бармена. — Думает, что название «Paris H» как-то связано с Францией.

Женщина доставала Фредрику до груди. Темно-рыжие волосы до плеч уложены феном. На ней был серый офисный костюм, а через блузку просвечивало нижнее белье.

— Фредрик, — сказал он, протягивая ей руку.

Ее губы были накрашены в цвет волос, и она посмотрела на него своими синими как океан глазами. Не совсем в его вкусе, но эта улыбка. Похотливая, флиртующая. Животная.

— Очень приятно, офицер, — сказала она, пожав ему руку. На руках дамы были гладкие кожаные перчатки.